

О.А. Сулейманова

Семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения

К 90-летию И-Э.С. Рахманкуловой

В статье рассматривается разрабатываемая в трудах И-Э.С. Рахманкуловой концепция модели предложения и определяется статус элементов структурной схемы (модели) предложения. Описывается семантическая роль наблюдателя и его роль в реализации структурной схемы предложения. Концепт наблюдателя соотнесён со сходными, но не тождественными семантическими ролями — повествователь (говорящий), эксперименцер. Предлагается типология наблюдателя.

The paper focuses on the concept of sentence model which is promoted in I.-E.S. Rakhmankulova's works, with the special focus on the semantic role *Observer*, when it is not explicitly introduced into the sentence structure but implicitly present. This role is related to similar semantic agents such as *Experiencer*, speaker, etc. Types of *Observers* are distinguished.

Ключевые слова: имплицитный наблюдатель; безличное предложение; структурная схема предложения; семантическая роль; эксперименцер.

Keywords: implicit observer; impersonal sentence; sentence model; experiencer.

В работах И.-Э.С. Рахманкуловой (см., например: [9–10]) последовательно разрабатывается структурно-функциональный подход к синтаксису и соответственно интерпретация модели предложения, в составе которой выделяются как обязательные элементы, так и распространители структурной схемы (модели). В статье рассматривается обязательный элемент структурной схемы предложения, не имеющий эксплицитного выражения, однако обязательно присутствующий в концептуализации денотативной ситуации. Вывод о его наличии делается на основе структурно-функционального анализа всей модели предложения. Речь идёт о семантической роли наблюдателя.

1. История вопроса

Широко декларируемая в последнее время антропоцентричность языка как господствующая парадигма современного языкознания получает всё новые подтверждения — так, теория метафоры убедительно демонстрирует то, как человек моделирует мир по своему подобию, во многих работах вводится фигура наблюдателя, с позиции которого и описывается мир.

Нужно сказать, что на роль наблюдателя в процессе познания мира обращалось внимание уже давно — например, в области естественных наук поправки на наблюдателя вводились всегда. Концепт наблюдателя получил

развитие и в области когнитивных наук (см., например: [6: с. 98, 129]. В лингвистике понятие наблюдателя получило хождение относительно недавно, несмотря на то, что отдельные указания и замечания встречаются в лингвистической литературе уже давно — например, убедительное описание значения предлога *за* с опорой на представление о наблюдателе находим уже у А.М. Пешковского. Для описания различий в семантике предикатов *seem* и *appear* [4: с. 103–104], глаголов зрения также вводится наблюдатель.

Ю.Д. Апресян приводит точку зрения Ч. Пирса, который, размышляя над чисто физическими параметрами *тяжёлый, твёрдый, прочный*, допускал, что в значения данных слов может входить представление о человеке, с точки зрения которого предметам и приписываются данные характеристики. Ю.Д. Апресян выделяет группы слов, значения которых содержат ссылку на наблюдателя («лицо, постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации» [2: с. 68–69]), например, в высказывании с предлогом *из-за*: *Мальчик вышел из-за ширмы* отчётливо осознаётся, что в ситуации присутствует некто, относительно кого ориентировано описание. Ср., напротив, *Мальчик вышел из дома*, где такого представления нет (примеры Ю.Д. Апресяна). Автор выделяет такие глаголы, как *любоваться, заглядеться, засмотреться, силиться* (в отличие от *пытаться*). Ср. также толкование следующей пары предложений, в одном из которых встроено указание на наблюдателя: *Дорога кончалась около леса* и *Дорога кончилась около леса*, во втором из которых «говорящий мыслит наблюдателя... сознание которого зарегистрировало этот факт» [2: с. 60]. На эффект сопричастия говорящего-наблюдателя в высказываниях с глаголами типа *белеть(ся), синеть, краснеть(ся)*, а также *реять, уплетать* указывала Т.В. Булыгина [3: с. 15, 29]. Е.С. Яковлева отмечает, что в семантику наречий *рядом, вблизи, поблизости* встроено указание на наблюдателя (в отличие от наречий *неподалеку, недалеко, вблизи и вдалеке*) [12: с. 39]. Ср. также интерпретацию высказываний типа *В избе было темно* через «потенциального субъекта» [5: с. 91].

С введением данного концепта связан ряд проблем, а именно: прежде всего его нужно соотнести с такими понятиями, как *говорящий, экспериенцер, точка зрения* и др.; необходимо также выявить типы наблюдателя и, наконец, выявить корпус языковых средств и условий, способствующих его появлению.

2. Наблюдатель, экспериенцер, говорящий (повествователь)

Разграничим сходные, но не тождественные метатермины, которые в ряде случаев используются недифференцированно, однако не сводимы друг к другу, а именно: *наблюдатель (потенциальный наблюдатель), экспериенцер, говорящий, субъект (агенса)*.

Семантическая роль экспериенцера, выделяемая во многих работах, реализуется обычно при предикатах, выражающих процесс (а не действие) — например, в высказываниях *Мне холодно; Он грустный почему-то сегодня* носитель предикативного признака представлен как экспериенцер (ср. семантическую роль пациенса — *Меня послали за хлебом, или агенса — Я пошёл за хлебом*).

Более того, в данных случаях экспериенцер эксплицирован, тогда как наблюдатель не эксплицирован (эксплицированный наблюдатель, представленный, например, в предложении *Я наблюдал за ним последние полчаса*, трактуется как агенс, реализующий действие *наблюдать*).

Наблюдатель (как семантическая роль) может быть не вербализован — в таких высказываниях, как *Он наблюдал за нами всё утро*, реализуется семантическая роль агенса, который выполнял действие *наблюдать*. Иначе говоря, информация о том, что агенс именно наблюдатель, содержится только в лексическом значении глагола.

Потенциальный наблюдатель может быть определён как «некий возможный объект-лицо, на органы чувств которого... мог бы воздействовать во-ображаемый субъект» [8: с. 148]. Как представляется, в данное определение необходимо ввести указание на обязательную принадлежность наблюдателя фабульному пространству. И в этой связи не совсем точной кажется интерпретация Ю.Д. Апресяном высказывания *Мальчик вышел из-за ширмы* как такового, где наблюдатель «лицо, постороннее по отношению к непосредственным участникам описываемой ситуации» [2: с. 68–69]. Наблюдатель — не постороннее лицо, он участник ситуации, хотя и в особом смысле — он регистрирует событие Р, и без его регистрации оно не имеет места. Иначе было бы трудно говорить об осуществлении Р без того, чтобы оно не было передано через восприятие наблюдателя. В этом смысле можно сказать, что в данном случае наблюдатель представлен как параметр, образующий само событие Р.

Таким образом, семантическую роль наблюдателя можно определить как одушевлённый объект Х, с точки зрения которого подаётся событие Р, соответственно наблюдаемость — это свойство Р характеризоваться с точки зрения Х-а, при обязательной принадлежности Х-а фабульному пространству. Подчёркнём, что речь необязательно идёт о реальном «физическом» присутствии Х-а в описываемой ситуации — это может быть потенциальный наблюдатель, как, например, в высказывании *Когда приходишь в класс, сразу видно, кто из студентов не готов к занятию*. В предложениях с таким потенциальным наблюдателем сообщается не о том, что происходит с Х-ом, а о том, что имеет место вокруг него и воспринимается его рецепторами.

Таким образом, в высказывании *Мне тепло* сообщается о том, что делается с Х-ом, он экспериенцер, субъект своего состояния. Напротив, в высказывании *В комнате тепло* Х воспринимает и регистрирует состояние окружающей среды, он присутствует только в том смысле, что ситуация подаётся с точки зрения его восприятия, тогда как событие Р происходит необязательно с ним.

Таким образом, если Х — потенциальный наблюдатель, он только регистрирует состояние окружающего пространства, при этом он может быть не тождествен экспериенцеру и необязательно тождественен говорящему. Иногда он совпадает с говорящим: *Я вошёл в комнату. Пахло хвоей*; с героем повествования: *Он вошёл в комнату. Пахло хвоей*; с нереферентным субъектом: *Осенью в лесу всегда пахнет сыростью и гнилью*. В одном случае несовпадение наблюдателя с говорящим будет императивным, а именно в случае с предикатами

зрительного восприятия. Например, нельзя совместить говорящего и наблюдателя в высказывании **Я показался из-за угла* (если речь идёт о непосредственном восприятии, а не рассказе о прошедшем событии *И тут я показался из-за угла, подбежал к ней...*) — ср. правильное *Он показался из-за угла*. И для этого случая утверждение Ю.А. Пупынина о том, что, когда «позиция наблюдателя в высказывании не выражена, говорящий выступает как имплицитный наблюдатель» [8: с. 151], не представляется точным.

Повествователь (как фигура нарратива и соответственно метатермин интерпретации событий фабульного пространства художественного произведения) или говорящий, от лица которых ведётся повествование, могут получать разнообразные семантические роли, одной из которых может быть также имплицитный наблюдатель — *Вдалеке показался отряд*, или экспериенцер — *В комнате тепло*. В последнем высказывании совмещены роли экспериенцера и имплицитного наблюдателя. Ср., однако, высказывание — *Я видел, что в комнате тепло — дети одеты легко*, где говорящий во фразе *в комнате тепло* не реализует функцию экспериенцера — о температурном режиме он судит по визуально воспринимаемым параметрам.

Можно предположить, что в таких типах дискурса, как художественный нарратив, должна реализоваться тенденция к включённости реципиента в фабульное пространство нарратива — что предполагает предпочтительность безличных высказываний с имплицитным наблюдателем. Действительно, если сравнить высказывания с эксплицитным наблюдателем-экспериенцером *Мне / ему холодно* имеет место отстранённое от реципиента повествование, констатирующее восприятие героя. Напротив, в предложении *(На улице) было очень холодно*, с одной стороны, не описано восприятие героя, с другой — читатель / реципиент включается в фабульное пространство, что усиливает иллюкативную силу речевого произведения.

2.1. Типология наблюдателя

Рассмотрим возможные типы наблюдателя, представленные в русских безличных моделях (см. [11]). Типология имплицитного наблюдателя в таких случаях определяется модальностью восприятия наблюдателя. Так, в высказывании *В небе гудело* или *В комнате было шумно* наблюдатель слушающий. Ср.: *Потом — об этом Брежнев рассказывал в моём присутствии год-полтора спустя — Гречко приезжал извиняться и признал, что был не прав. На что Брежнев ему — так, во всяком случае, он рассказывал — заявил: «Ты меня обвинил в том, что я пренебрегаю интересами безопасности страны, на Политбюро в присутствии многих людей, а извиняешься теперь с глазу на глаз, приехав в Завидово». Во время визита Д. Форда в СССР в конце 1974 года, когда обсуждались общие рамки Договора ОСВ-2, Брежнев тоже имел длинный, очень острый и громкий спор с военным руководством по телесвязи ВЧ. Об этом я знаю как от наших участников, так и от американцев, рассказывавших, что в решающий момент беседы советский лидер выставил всех из кабинета и чуть ли не час говорил по телефону, да так громко и эмоционально, что было*

слышно даже через стены и закрытые двери. Но, в общем, это не меняет ситуации, военному ведомству дозволялось очень многое. Особенно во второй половине семидесятых — начале восьмидесятых годов. И оно этим пользовалось (Георгий Арбатов. Человек системы) [1].

В высказывании *В комнате дурно пахло* это ольфакторно воспринимающий человек. Ср. также примеры высказываний из «Театрального романа» М. Булгакова *Из кухни пахло жареной бараниной, в коридоре стоял вечный, хорошо известный мне туман, в нём тускло горела под потолком лампочка. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами. Пахло мятой и ещё какой-то приятной травой* — здесь создаётся образ пространства через ольфакторную модальность наблюдателя.

В предложении *На улице светало / светло* — это визуальный наблюдатель, он находится в фабульном пространстве — именно с его позиции подаётся описываемое событие. Понятно при этом, что это необязательно говорящий — ср. *Он сказал мне, что было видно следы взлома.*

Ср. также примеры из «Театрального романа»: *Как бы коробочка, и в ней сквозь строчки видно: горит свет и движутся в ней те самые фигурки, что описаны в романе. И по страдальческим глазам Демьяна Кузьмича видно было, что он чист, никакой интриги не подводил и вообще интригами не занимается. В открытую дверь было видно, как на цыпочках проходили иногда какие-то пожилые женщины, сухонького вида, пронося груды крахмальных юбок.*

Отметим особо, что при предикатах, выраженных словами категории состояния, описывающих состояния героев и события в их ментальном пространстве — типа *Мне понятно, Так жалко, что...*, несмотря на имплицитность экспериенцера, в высказывании не содержится семантическая роль наблюдателя. В таких случаях говорящий — экспериенцер (он может быть эксплицирован / имплицирован), он в центре фабульного пространства, а не просто наблюдатель.

Таким образом, появлению семантической роли потенциального / имплицитного наблюдателя регулярно способствуют предикаты чувственного восприятия, реализуемые в безличных предложениях.

2.2. Языковые средства

Языковые средства, привносящие представление о присутствии наблюдателя, разнообразны. Это могут быть лексические средства, в семантику которых встроено указание на присутствие наблюдателя — например, частицы *вот* и *вон* (см. [2: с. 615]). Ср. использование частицы *вот* в зачине романа М.А. Булгакова: *И вот: на мне кафтан с громадными карманами, а в руке моей не стальное, а гусиное перо. Передо мной горят восковые свечи, и мозг мой воспалён. — Сударыня! — говорю я [1].* Здесь автор приводит воображаемый разговор с повитухой, принимавшей роды у матери Мольера. Для создания у читателя ощущения присутствия при таком важном событии повествователя вводится частица *вот*, которая сразу помещает читателя в гушу описываемых событий. Это также семантика слов типа *показаться, виднеться* [2; 7], равно как и их английский коррелят *emerge*. Наличие имплицитного наблюдателя подтверждается, как убедительно

показано в работе [2], невозможностью эксплицировать фигуру наблюдателя — например, нельзя сказать **И тут вдалеке показался я*. Данное высказывание становится возможным не в актуальном общении, а в описании прошедших событий, участником которых был говорящий.

Такое указание на наблюдателя, как отмечалось выше, также встроено в значение ряда пространственных предлогов, когда положение объекта относительно релятума определяется индивидом, наблюдающим за соотношением объектов, — например, в значении предлога *за* или английского *behind* содержится такое указание на наблюдателя.

Данная семантическая роль может получить выражение на синтаксическом уровне — в том смысле, что сама лексическая единица, например глагол, обязательно предполагает имплицитного наблюдателя — наблюдатель может иметь формальное выражение. При этом лексическое значение глагола чаще всего связано с концептуализацией процессов и результатов восприятия внеязыковой действительности — это глаголы типа *видеть, слышать, чувствовать*. Эти глаголы реализуют свой потенциал имплицитно наблюдать в определённых синтаксических моделях, например, в безличных моделях. В большинстве случаев в безличных предложениях имеет место совпадение роли наблюдателя и говорящего, особенно в изобразительном стиле. Понятно, что роль говорящего в таком случае заключается не только в том, что он говорит, он ещё и наблюдает и трактует положение дел. Можно сказать, что в таком случае он выступает в роли «сверхнаблюдателя», и в этом смысле выполняет роль, сходную с ролью «всеведущего» автора в литературоведческой интерпретации.

Таким образом, при интерпретации содержания высказывания учёт роли и типа имплицитного наблюдателя позволяет получить более точное описание семантики высказывания и является определяющим для реализации структурной схемы.

Библиографический список

Источники

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (режим доступа свободный).

Литература

2. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Языки русской культуры, 1995. 766 с.
3. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. С. 7–85.
4. Ильчук Е.В. Семантика английских глаголов мышления *believe, think* // Интеграция лингвистического и экстралингвистического знания: сб. науч. тр. МГЛУ. Вып. 434. М., 1996. С. 25–34.
5. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. М.: Высшая школа, 1986. 176 с.
6. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995.

С. 95–143.

7. *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

8. *Пупынин Ю.А.* Субъектность и актуализационные категории предиката // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определённость / неопределённость. СПб.: Наука, 1992. С. 141–167.

9. *Рахманкулова И.-Э.С.* Теоретическая функциональная грамматика немецкого языка. Глагол. М.: НВИ-Тезаурус, 2006. 204 с.

10. *Рахманкулова И.-Э.С.* Структурно-функциональный подход к исследованию немецких фразеологизмов // Вестник МГПУ. Сер. «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2009. № 1 (3). С. 28–35.

11. *Сулейманова О.А.* Проблемы русского синтаксиса. Семантика безличных предложений. М.: Диалог-МГУ, 1999. 222 с.

12. *Яковлева Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с.

References

Istochniki

1. Nacional'ny'j korpus russkogo yazy'ka. URL: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (rezhim dostupa svobodny'j).

Literatura

2. *Apresyan Y.D.* Izbranny'e trudy'. T. 2. Integral'noe opisanie yazy'ka i sistemnaya leksikografiya. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1995. 766 s.

3. *Buly'gina T.V.* K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazy'ke // Semanticheskie tipy' predikatov. M.: Nauka, 1982. S. 7–85.

4. *Il'chuk E.V.* Semantika anglijskix glagolov my'shleniya *believe, think* // Integraciya lingvisticheskogo i e'kstralingvisticheskogo znaniya: sb. nauch. tr. MGLU. Vy'p. 434. M., 1996. S. 25–34.

5. *Lekant P.A.* Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazy'ke. M.: Vy'sshaya shkola, 1986. 176 s.

6. *Maturana U.* Biologiya poznaniya // Yazy'k i intellekt. M.: Progress, 1995. S. 95–143.

7. *Paducheva E.V.* Semanticheskie issledovaniya. Semantika vremeni i vida v ruskom yazy'ke. Semantika narrativa. M.: Yazy'ki russkoj kul'tury', 1996. 464 s.

8. *Pupy'nin Y.A.* Sub''ektnost' i aktualizacionny'e kategorii predikata // Teoriya funkcional'noj grammatiki: Sub''ektnost'. Ob''ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vy'skazy'vaniya. Opredelyonnost' / neopredelyonnost'. SPb.: Nauka, 1992. S. 141–167.

9. *Raxmankulova I.-E'.S.* Teoreticheskaya funkcional'naya grammatika nemeczkogo yazy'ka. Glagol. M.: NVI-Tezaurus, 2006. 204 s.

10. *Raxmankulova I.-E'.S.* Strukturno-funkcional'ny'j podxod k issledovaniyu nemeczkix frazeologizmov // Vestnik MGPU. Ser. «Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie». 2009. № 1 (3). S. 28–35.

11. *Sulejmanova O.A.* Problemy' russkogo sintaksisa. Semantika bezlichny'x predlozhenij. M.: Dialog-MGU, 1999. 222 s.

12. *Yakovleva E.S.* Fragmenty' russkoj yazy'kovoj kartiny' mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriyatija). M.: Gnozis, 1994. 344 s.